

В. Н. Соловар

Вербализация концепта «счастье, удача» в хантыйском языке (на фоне русского и татарского языков)

Аннотация. Объектом исследования является лингвокультурный концепт «счастье», вербализуемый средствами хантыйского языка и принадлежащий плану содержания хантыйского языка. Описание средств реализации данного концепта производится на фоне неродственных языков: русского и татарского, что позволяет полнее раскрыть особенности наполнения данного концепта в хантыйском языке. В статье рассматриваются сходства и различия в вербальном наполнении концепта «счастье» в хантыйском, русском и татарском языках, охватывающие как научное, так и обыденное сознание носителей соответствующих языков в разных типах дискурса (социально-психологическом, религиозном, и обыденном).

Моральные и утилитарные ценности, входящие в концепт *счастье* отражают связь концепта с ценностными приоритетами носителей хантыйского, татарского и русского языков. Материалы сопоставляемых языков показывают, что доброжелательное отношение людей друг к другу составляет универсальную моральную ценность концепта «счастье».

Сопоставление способов вербализации концепта *счастье* в типологически разных языках дает возможность представить национальную специфику и менталитет разных народов, позволяет выявить наиболее важные стереотипы национального самосознания, универсальные фрагменты концепта «счастье».

Ключевые слова: концепт «счастье», ценность, благопожелание, менталитет, лингвокультурология, сознание.

V. N. Solovar

Verbalization of the concept «happiness, luck» in the Khanty language (in the context of the Russian and Tatar languages)

Abstract. The object of the research is the linguacultural concept «happiness», verbalized by means of the Khanty language and belonging to the content plane of the Khanty language. Description of the techniques of the concept is made on the background of unrelated languages: the Russian and Tatar languages that better allows disclosing of the features of the concept's content in the Khanty language. The article deals with the similarities and differences in the verbal content of the concept «happiness» in the Khanty, Russian and Tatar languages, covering both scientific and everyday consciousness of the speakers of the respective languages in different types of discourse (socio-psychological, religious and everyday).

Moral and utilitarian values that are included in the concept «happiness» reflect the relationship of the concept to value priorities of native speakers of the Khanty, Russian and Tatar languages. The materials of the compared languages show that the friendly attitude of the people towards each other is universal moral value of the concept «happiness».

A comparison of the ways of verbalization of the concept «happiness» in typologically different languages make possible to introduce the national specificity and mentality of different peoples, allows to identify the most important stereotypes of national consciousness, the universal fragments of the concept «happiness».

Key words: concept «happiness», value, good wish, mentality, linguacultural studies, consciousness.

Для современного языкознания заметную роль играет активизация представлений о роли антропоцентризма и его проявлений в устройстве и функционировании

языка и связи языка с когнитивной активностью.

Изучение и описание концептуальной сферы языка возможно на основе конкрет-

ных единиц языка, включающих ментальное представление носителей языка об объекте действительности.

В понимании термина «концепт» в настоящей работе мы полагаемся на определение, данное в специальном словаре: Концепт – это термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица понятия, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [1, 90]. Анализ фрагментов данного эмоционального концепта на материале хантыйского языка был представлен в нескольких статьях автора [2].

Счастье является важнейшей духовной ценностью, значимым объектом духовного и психологического состояния, объектом постоянного поиска, составным элементом практически всех мировоззренческих систем; счастье по своей сути обрело наднациональный характер. Представления о счастье принадлежат к наиболее фундаментальным категориям культуры, можно сказать, что они составляют ядро национального и индивидуального сознания, а отношение к нему входит в число определяющих характеристик духовной сущности человека. В силу своей значительной этнокультурной специфичности и многомерных связей внутри каждой культуры этот концепт получает неодинаковую трактовку в контекстах различных культур [3; 4; 6 и др.]. Представления о счастье, как отмечают В. И. Карасик и В. И. Шаховский, окрашены культурной спецификой и зависят по меньшей мере от типа цивилизации [5, 5].

Предлагаемая статья посвящена описанию национальной специфики и понимания фрагментов универсальных характеристик представления концепта «удача, счастье», в сознании носителей хантыйского, русского и татарского языков, и тем самым представить отличия понимания счастья в разных типах языкового сознания.

На материале финно-угорских языков одна из первых попыток описать составляющие концепта «удача» и «счастье» предпринята Е. А. Цыпановым [6, 265–275].

Задачей данной статьи является первичный анализ лексических единиц лексико-семантического поля *уй* «удача, счастье» и *щўнь* «счастье» хантыйского языка, которые в дальнейшем могут представить фрагмент эмоционального концепта хантыйского языка. Поскольку все богатство содержания концепта может быть выражено только совокупностью значений всех средств языка, каждое из которых раскрывает лишь его часть, исследование синтагматики этих единиц, функционирование их в текстах, реализация их как создания топики и их роль в этом качестве может составить тему дальнейших разысканий.

В хантыйском языке в плане языкового выражения идея счастья передается рядом имен, представляющих разные части речи, но связанных словообразовательными отношениями. Например:

уй ‘удача, счастье’;

щўнь ‘удача, счастье’;

щўнь-хөл ‘счастье-блаженство (букв.: счастье-свет)’;

щўньән ‘счастливый’;

щўньты ‘жить в удаче-счастье, быть в состоянии счастья, блаженства’, примеры употребления: *Щи йўпийән ин ики вөнта мәнәл* – вөнт вой *уй*, *йиңка мәнәл* – *йиңк хўл уй вөйтәс* ‘После этого мужчина в лес идет – удача на зверя, идет к воде – удача на рыбу’; *Сөләк хўлпи щўньән Мосәм* ‘Счастливый (удачливый) Назым с мелкой рыбой’; *Хөләм вөрт маваң пәсан щўньсәт* ‘Три бога блаженствовали’; *Мавәң ут щўньләт*, *сурәң ут щўньләт* ‘Медовое блаженствуют, пивное блаженствуют’; *Хўв щўньсәт*, *хуйән вөлы* ‘Долго ли находились в счастье, кто знает’.

Образные составляющие концепта в хантыйском языке, сферы использования (микродискурсы) и синтагматические связи соответствующих слов имеют свои, свойственные только ему ассоциации – образы семейного счастья, образы счастья – здоровья, образы счастья – удачи, в том числе охотничьей и шире промысловой, удачи в активной деятельности человека, инициированной им самим.

В традиционной культуре хантов и манси удачливым считался человек, которому покровительствуют боги, духи – ино-

гда это сверхъестественные существа с данными конкретными функциями регулирования счастья и удачи [7, 134–137], иногда какие-то более обобщенные персонажи, которые, к сожалению, не рассмотрены в их взаимоотношении с человеком. Так, считается, что счастье приносит Казымская Богиня, и для обращения к Казымской богине ханты исполняют песню Касум ими *миши* ар ‘Песня Касум ими, приносящая удачу’; Вэнт войи *миши* телэн йухта, йиңк хўлы *миши* телэн йухта ‘Из леса с добычей (букв.: с удачей на зверя) возвращайся, с рыбой (букв.: удачей рыбы) возвращайся’, как видно из примеров, по отношению к языческим богам и духам в отличие от человека, для обозначения *удачи* используется иная лексема – *миши*. Обращение к духам, ставшее частью традиционного поведения промышленников и оформленное в ритуал, реализуемый в разнообразных относительно свободных формах, дает удачу на охоте или рыбалке; однако духи могут чью-либо удачу задержать, приостановить ее получение или отказать в нем. У манси бытуют рассказы о мис-нэ.

Приведем примеры: Йиңк вэрт йиңк хўл *уй* ат пунэс лўвэл ‘Пусть дух воды даст ему удачу’; Ин нәң тәмэн вўйа, йөхэт па мулты вэнт войи *уйән*, йиңк хўлы *уйән* китлэм Тәм йўпийән, щәха нурэмлан вэнт вой нухийән, вэнт хор нухийән вэлтемлэ тэканлэт. Щәха, нын йәма вэлты питлэтән, көсәңа йилтән ‘Ты сейчас возьми это, позже отправлю тебе еще какую-то удачу в добыче зверя и рыбы. После этого, позже полки твои мясом зверя наполнятся. Вы будете хорошо жить, станете способными обеспечить себя’; *Уйәти* ар картаң һол вўрэн, *уйәти* тухлән һол вўрэн, хул вэлты авэт һолтаң ар мухэл, мўвэт һолтаң ар мухэл, лөхийа парты хөйән лөхи хўл ат вөйэтэл, нўшайа хўлән мәты хөйән, нўшайа ‘Много удачливых грив с железными стрелами, удачливых грив с крылатыми стрелами, во всех землях и водах, кому дано много рыбы, пусть много найдет, кому дано мало рыбы, пусть мало’; Ма нөмәсләм, ушәң утән *уйем* катәлса, щи эвэлт, ай Лэвтый икийән *уйем* катәлса ‘Я думаю, какая-то важная (персона) мою удачу держит,

оказывается, молодой мужчина с вершины Сосьвы’. При обращении к духам используются и заклички, например: Хөләх акем ики, нып-нып-нып. Ўвтыйән, илы ки аңләмтыйәл, нып пунэс, вэнт вой *уй* вөл ‘Дядя-ворон, ноша-ноша-ноша. Если он наклоняется, когда ты кричишь, то ношу кладет, удача будет в добыче зверя’.

Удачливым может быть не только человек – носителем удачи, промысловой фортуны по представлениям хантов, являются и сами орудия для рыбалки, с помощью которых получают хороший улов, например: Ин хўл вэлты сўс хор кепәл *уйаң* пулән иса хўл вэлты ән питәс ‘Счастливым ловушкой, которой он добывал рыбу, совсем перестал рыбу ловить’.

В религиозном мировоззрении хантов исключительно важное место занимает культ медведя; его смерть от оружия охотника считается удачей для человека и для медведя: ханты о медведе говорят *Уй пунэс* ‘Умер (букв.: удачу положил)’; *Уйа питәс* ‘Умер (букв.: попал в счастье, удачу)’.

Пожелания как вербальные действия с особой прагматикой присутствуют в сознании носителей языка не только как лексические единицы или традиционные речевые формулы, но и как набор правил для применения формул речевого поведения, в которых используется типовая модель текста благопожелания с характерными именно для него семантическими компонентами. Как отмечает Г. А. Бакирова на материале татарского языка, благопожелания отражают основные базовые ценности, особенности мировосприятия народа, а также специфический социально-исторический контекст. Фонд благопожеланий языка позволяет реконструировать наиболее важные стереотипы массового национального сознания, в силу чего этот материал представляет интерес для лингвокультурологических и концептуальных исследований [3, 3–4].

В хантыйском языке благопожелания включают как собственно удачу, так и возможности, которые сопутствуют счастливой жизни человека: например: *Уйәңа тищәңа вөла* ‘Удачливо-с возможностями живи’.

Лексемы, вербализующие концепт «счастье» в текстах благопожеланий, пред-

ставлены существительными и именами прилагательными, которые в своей семантике пересекаются со сферой счастья. Так, одним из условий счастья является наличие у человека здоровья, например: *Тáлаң йош, тáлаң кýр, уйáна-пищáна, нөптáна-йисáна* ‘Здоровья (букв.: целая рука, целая нога), удачливо, с возможностями, с веком-вечностью’.

Для носителей хантыйского языка представления о семейном счастье связываются с достатком в семье, с наличием детей, долголетием родителей, со следованием религиозным традициям. Ср. примеры: *Мáттырэн, мýл нуры олэңэн питы ньýпáллэв щýньáң тыхáлэн* ухэл вотэм пирэщ ики омэсэл ‘Оказывается, у священного угла в счастливом гнезде в черной замшевой одежде седой старик сидит’; *Йивэң-áсэң щýньáң* похэллэ, вэллэн ‘Счастливый комочек, имеющий отца-мать, живешь?; Вэтхущйáң хилы тáйэл. Щи щýнь ‘У него пятнадцать внуков. Вот счастье’; *Ма уйáң* эви хот сýнна, *Уйáң* пух хот сýнна... ‘Я в углу дома счастливых дочерей, в углу дома счастливых сыновей’; *Атэл щýнь хáйлэт* ‘Они оставляют счастье ночи’.

Таким образом, счастье как оценка человеком «успешности» собственной судьбы концептуально и хронологически производно от представлений об удаче. В хантыйском языке лексемы *уй* и *щýнь* имеют два значения: 1. Удача – ‘Действие внешних факторов, благоприятное для человека, приводящее к обретению им каких-либо объектов, качеств, положительному изменению состояния’; 2. Счастье – ‘духовное состояние, связанное с материальным достатком, социальным кофмортom, душевным спокойствием и равновесием, отсутствием потенциальных и реальных опасностей’.

В значении ‘удача’ лексема *уй* встретилась нам в составе гидронима: *Щýнь йухан* ‘Сюнь юган’ (букв.: река удачи), *Щýнь йухан тыйэн лаңки пáнтэн шөшийáлтэм сат, Кýцма йáйэм ики щив этмэс* ‘Когда я ходил у истока реки Сюнь юган, встретился мне брат=мой Кузьма’. Название гидронима связано с обитанием в этих местах ценных в промысловом отношении животных – соболей, лосей.

Значение ‘несчастливый’ формируется при образовании имени прилагательного от существительного *уй* с помощью словообразовательного суффикса =*лы*: Хута кáмэн хáннехе лавэрт кáши-мөша хойэл, хута па *уй=лы* йис йухэтэл ‘Где-то вдруг человек столкнется с болью-болезнью, а где-то несчастливый век придет’.

В значении ‘счастье’ лексема *щýнь* используется как символ достатка и маркирует положительное эмоциональное состояние героя повествования и одновременно положительную оценку говорящего к описываемому событию, например: *Мавэң лант щýнь* вэллэт, *сурэң лант щýньэң* вэллэт ‘Живут со счастьем медовой еды, со счастьем сытной еды живут’; *Хөлэм вой павэтсэңэн. Ның йа щи щýнь* ‘Трех лосей они добыли. Вот вам удача’; *Вэтсот лаңки* вэлэс. *Ищи щýнь* ‘Пятьсот белок добыл. Тоже счастье (достаток)’; *Муй щýньа* питсэн? *Мавэң лант щýнь щýньсэт, сурэң лант щýнь щýньсэт* ‘Наслаждались счастьем медовой еды, наслаждались счастьем сытной еды’, как видно из последнего примера, от данных имен образуются имена прилагательные и глаголы, например: *Щýньэң* пáсан эвэлт мулты лелэм ‘Я поем с удачливого стола (символ достатка)’; *Па щи хуты щýньáң* мýв вантсэм ‘Опять ведь счастливую землю видел я’ (о достатке).

В фольклорном тексте прилагательное *щýньэң* является определением к слову *хáтэл*, в таком контексте оно имеет значение *счастливый*, входит в состав сложного по структуре определения, состоящего из трех компонентов, например: *Най щýньэң йөхэл хáтэл* етэл, мулты хурасэп *вөрт щýньэң йөхэл хáтэл етльэл* ‘Счастливый удачливый день, данный богиней, будет, какой-то счастливый удачливый день, данный богом будет (букв.: день удачливого лука)’. Речь идет об удаче, которая ожидается на охоте.

Как мы уже указывали, счастье и удача на охоте могут быть даны извне, богами, духами. В данном контексте слово *йөхэл* ‘лук’ имеет дополнительную семантику – удачливый. Как отмечает Т. А. Молданов, духи *миш* в песнях обещают человеку удачу [9, 71].

Приведем еще примеры: Нуви төрэм өхтэйэн ат вөл и похнэм нуви йөхэл хятэл 'На белом свете пусть будет всегда светлый удачливый день'; Йэллы вөлты най пух, сотэн йөхэл хятэл нөмлэтсэт, йэллы вөлты вөрт сотэн йөхэл хятэл нөмлэтсэт 'Сыновья с богиней, живущие далее, много удачливых (букв.: сотня стрел) дней в будущем пожелали, далее живущих богов сто удачливых дней пожелали'; Па верты най сем похнэм йөхэл хятэл, па верты вөрт сем похнэм йөхэл хятэл ши мәнты нумэс пйтсэм 'В будущий счастливый день с богиней, в будущий счастливый день с богом я решил идти'. Таким образом, счастье человека связывалось с удачей на охоте при благосклонном отношении богов; одним из символов удачи являлся лук охотника, вероятно, в ранних представлениях обладающий магическими функциями как безотказное, не знающее промаха, не упускающее охотничьей добычи оружие, а позже эти представления стали распространяться на индивидуальное оружие каждого охотника, они поддерживались общими для всех запретами и предписаниями.

В семантике счастья оценка как акт и результат соотношения субъекта познания с объективным миром сопрягает в единое целое рассеченную надвое предметную область этого понятия: состояние дел вне человека и состояние психики человека. Манифестация его различными лексическими единицами маркирует и сами события в их оценке, и эмоциональное состояние человека.

Необходимым и достаточным для отделения понятия счастья от других сходных и смежных понятий – радости, довольства, удовлетворения с одной стороны, и удачи, везения, благоприятной судьбы – с другой, в общетеоретическом плане является единство разнородных предметных областей, которые покрывает его объем: объем и характер эмоциональных состояний и положений дел, соединенных актом оценки в одно целое, отличное от своих составляющих частей. В терминах смысловых дистриктивных признаков, таким образом, счастье как концептуальный инвариант можно определить так: это положительное эмоциональное состояние субъекта, вызванное

положительной оценкой им собственной судьбы.

Источник счастья образуют факторы, вызывающие у субъекта положительную оценку существенных моментов его жизни, в равной мере как связанные с его собственной активностью, так и проистекающие извне, вне его воли, но в связи с его действиями в других сферах – «правильным» поведением в отношении разнообразных сверхъестественных существ. Так для хантыйской языковой общности факторами счастья являются: следующие сопутствующие характеристики, имеющие более конкретный и более предметный характер, осознаваемый и переживаемый, каждым человеком и наблюдаемый у других людей:

- удача на охоте, рыбалке
- достаток,
- добрые чувства, положительные эмоции различной природы,
- семейное счастье.

В лингвокультуре ханты счастье подвержено световой метафоризации, метафорическим образом счастья является свет. Так идеализируется образ счастья, например: Ши *цүньэл-хөлэлэн* вошэн вөрт икэл хуца ши хящэс 'С тем счастьем-светом она осталась у главы стойбища'; Нуви төрэм өхтэйэн ат вөл и похнэм нуви йөхэл хятэл 'На белом свете пусть будут всегда светлые удачливые дни'.

Счастье в понимании носителей русского языка связано с пониманием его как ощущения полноты бытия, радости и удовлетворенности жизнью. Христианское понятие счастья опиралось на богословие греха. Христиане признавали, что люди преследовали счастье в течение их земных скитаний, но понимали краткость обладания им. В христианской доктрине место добродетели занимает праведность как неуклонное следование божественным законам и «заповедям Господним», приводящая верующих в состояние высшей духовной удовлетворенности и непрекращающейся радости. С развитием христианства представления о счастье сближаются с понятием блаженства. Блаженство как состояние святости складывается из целого ряда активных нравственных поступков и воздер-

жаний от греха и зла. Оно достигается не только претворением в жизнь евангельских предписаний, но и стойкостью в вере, которая доказывается страданиями за нее. Согласно христианскому учению, состояние блаженства возможно достичь и на земле. Человек может быть счастливым, если следует Закону Божьему [8, 7].

В русском православии в системе эмоциональных духовных ценностей внимание акцентируется на духовно-нравственных основаниях перехода от несчастья и страдания к счастью: страдание олицетворяет подлинность человеческого бытия, истинность человеческой личности и право ее на счастье.

По мнению М. А. Богдановой, лингвокультурную идею русского языка представляют семантически близкие слова-синонимы, т. к. данная идея соотносится более чем с одной лексической единицей. Счастье соотносится с такими лексическими единицами, как блаженство, наслаждение, благополучие, судьба, удача, любовь, радость, фортуна, талант. Перечисленные выше лексемы скорее связаны с получением удовольствия или даже наслаждения от счастливой жизни. Наслаждение, в отличие от удовольствия, может принадлежать к области «высокого» и стоять в одном ряду с истинным счастьем.

Анализ понятийной составляющей концепта *счастье* на материале русского языка показал, что главным значением счастья является «состояние абсолютной удовлетворенности жизнью, чувство наивысшего удовольствия, радости, блаженство», однако носители русского языка оценивают свое счастье как нереальное, существовавшее в прошлом. Оно уникально и неповторимо, поэтому человек боится его потерять, дает ему отрицательную характеристику или молчит о нем. Счастье и несчастье абсолютны по силе воздействия на человека. Однако за человеком сохраняется право управлять своей жизнью. Для того чтобы стать счастливым, необходимо трудиться, не думать о счастье, не посягать на счастье других людей, надо уметь достойно переживать как несчастливые, так и счастливые моменты жизни.

На материале татарского языка Г. А. Бакирова отмечает, что лексемы, вербализующие концепт «счастье» в текстах благопожеланий, представлены абстрактными существительными (здоровье, любовь, успех, благополучие, спокойствие), которые в своей семантике пересекаются со сферой счастья.

Образный компонент концепта «счастье» опредмечивает в языковом сознании когнитивные метафоры, через которые постигается абстрактная сущность данного концепта.

Так, в татарском языке семейное супружеское счастье чаще всего ассоциируется у носителей татарского языка с лебединой, голубиной и соловьиной парой. Глава счастливой семьи как надёжная опора по-татарски назван *алтын багана* – золотым столбом, а родительская чета – пар канат – парой крыльев. Здоровье как составляющая часть счастья представлено в татарской лингвокультуре образом стали, дуба, репы, т. е. имеет образ наиболее крепкого представителя класса металлов, деревьев и овощей. При этом вербализованы различные аспекты здоровья – физическое, душевное, социальное и духовное здоровье. Счастье как успех представляется вершиной, а трудный путь к нему ассоциируется с восхождением, покорением вершины.

Счастье в хантыйском языке относится к сфере обыденного, и в сознании хантыйского человека оно закрепилось как нечто такое, что можно достичь в реальности. До определенной меры оно материализовано – в том, что касается добычи в промысле, наличия комфортного сообщества в семье, благоприятной погоды, здоровья и т. п. В русской концептосфере же, как отмечает С. Г. Воркачев, счастье находится где-то рядом со «смыслом жизни» и другими фундаментальными и непостижимыми категориями бытия. Именно вследствие своей принадлежности к «высокому» регистру русское «счастье» несёт на себе очень сильный эмоциональный заряд [4, 47–58]. Оно оказывается более абстрактным, менее осознанным и менее стереотипизированным.

В близкородственном хантыйскому языку мансийском языке счастье также ас-

социруется со спокойствием, материальной обеспеченностью, благополучием. Например: Тав ань усь та *мӯсхал* сирл блункве патыс. Ань та *сюни*, ань та *хўлы* 'И стал он спокойно жить да поживать. И поныне живет благополучно'; с блаженством: Ань та блэгыт, ань та *сюнэгыт* 'И поныне живут они, и поныне блаженствуют они'; достатком: Ань та *хўлэг*, ань та *сюнэг* мат хомлыг! Ыться *уй катнпаттысыг*! Нас осься *юнтуп ёре тамле та*! 'И они здравствуют до сих пор, и блаженствуют до сих пор такие-сякие ловкачи! Они целого медведя добыли!'; Ань *агитэ хулытсыг мис хумитэнтыл пўнэн*, *блтулэн тайм ань та сюнэг*, ань та *хўлэг* 'А дочь его осталась с мужем из людей мис махум вместе с добром, с богатством, и теперь они живут да поживают'; *Ойкатэнтыл та блмаясыг*, ань та *сюнэг*, ань та *хўлэг* 'И начали жить они со своим мужем, и поныне здравствуют, блаженствуют' (1).

Лингвокультурологический анализ понимания счастья в сознании носителей хантыйского языка и реализации языковых средств его выражения позволяет выявить специфические концептуальные элементы и способы их выражения, характерные для хантыйской лингвокультуры, и, возможно, для лингвокультур других народов Западной Сибири. Счастье – это одновременно и самые события или постоянные устойчивые факторы окружающей обстановки, и эмоция, выраженная в форме радости либо удовлетворения, и положительная интеллектуальная оценка каких-либо динамических явлений или статических параметров собственной жизни. Показательно, что в эмоциональном плане внутренние субъективные переживания здесь преобладают над диалогической экспликацией. Ценностная составляющая концепта счастье в хантыйском языке вбирает в себя понятие богатого промысла, счастливой семьи, достатка и физического здоровья. Образная составляющая концепта *счастье* представляет собственно национально-специфические особенности представлений о счастье в сознании носителей хантыйского языка во множестве ассоциативных связей в полях «человек-человек», «человек-природа», «человек – его собственное Я».

Счастье относится к числу абсолютных ценностей в разных лингвокультурах.

В процессе исследования выделены и разграничены понятийные, ценностные и образные составляющие концепта «счастье» в хантыйском, русском и татарском языках; при этом выявлены национально-специфические и универсальные компоненты семантики данного концепта в разнотипных языках и в лингвокультурах. Образные составляющие концепта в этих языках имеют свои, свойственные только им образы (образы семейного счастья, образы счастья – здоровья, образы счастья – успеха).

Универсальным для исследуемых лингвокультур является понимание счастья как взаимодействия удачных внешних обстоятельств и положительной внутренней реакции на них. Во всех трех лингвокультурах счастье осмысливается как конкретное понятие и подвергается «овеществлению» в результате которого в русской и татарской лингвокультурах становится возможным получать, дарить, терять, сохранять счастье, а в хантыйской – быть им наделенным. Универсальна также для русского и татарского языков подверженность счастья олицетворению, в результате которого оно приобретает способность совершать действия, свойственные живому существу (приходить, стучать в дверь, сопровождать кого-либо и пр.); подверженность счастья растительной и зооморфной метафоризации (понимания счастья как цветка, бабочки, птицы и пр.). В обеих лингвокультурах счастье имеет способность создавать объём внешнего мира вокруг субъекта. При этом, в понимании носителей татарского языка счастье может быть представлено как источник воды, а с источником света оно ассоциируется и в хантыйском языке.

Уникальным для татарской лингвокультуры является наличие индивидуального объёма счастья, предназначенного каждому человеку, избыток которого является отрицательным моментом бытия – артык бэхет /лишнее счастье. Исследование показало, что универсальными суперморальными ценностными компонентами в составе концепта «счастье» для татарского и русского языков являются рай и покаяние.

Уникальными суперморальными ценностными составляющими концепта «счастье» для татарской лингвокультуры, основанной на исламе, являются богобоязненность и изучение Корана.

Моральные и утилитарные ценности, входящие в концепт *счастье* и раскрытые на материале духовно-нравственных и обыденных благопожеланий, также отражают связь концепта с ценностными приоритетами носителей хантыйского, татарского и русского языков. Материалы сопос-

тавляемых языков показывают, что доброжелательное отношение людей друг к другу составляет универсальную моральную ценность концепта «счастье».

Сопоставление способов вербализации концепта *счастье* в типологически разных языках дает возможность представить национальную специфику и менталитет разных народов, позволяет выявить наиболее важные стереотипы национального самосознания, универсальные фрагменты концепта «счастье».

Источники

1. Мӓньси мӓйтӓт [Текст] / сост. Е. И. Ромбандеева, Т. Д. Слинкина. – СПб. : Изд-во «Дрофа», 2003. – 143 с.

Литература

1. Краткий словарь когнитивных терминов / под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – М. : Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 245 с.

2. Соловар, В. Н. Некоторые фрагменты эмоциональной картины мира хантыйского языка / В. Н. Соловар // Язык. Культура. Этнос (традиции и современность): мат-лы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием – Надькинских чтений. Саранск, 28–29 апреля 2010 г. Мордов. гос. пед. ин-т. – С. 53–56 ; Соловар, В. Н. Способы выражения эмотивности в хантыйском языке / В. Н. Соловар // Вестник Угроведения. – 2012. – № 3 (10). – С. 60–68 ; Миляхова, Ю. Г. Национально-культурные особенности языковых единиц сферы психоэмоционального состояния и поведения человека (на материале шурышкарского и казымского диалектов хантыйского языка) / Ю. Г. Миляхова, В. Н. Соловар // Вестник Угроведения. – 2013. – № 1(12) – С. 44–49.

3. Бакирова, Г. А. Вербализация концепта «счастье» в татарском и английском языках : автореф. дисс... канд. филол. н. / Г. А. Бакирова. – Казань, 2011. – 27 с.

4. Воркачев, С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты / С. Г. Воркачев // Известия РАН. Серия лит-ры и языка – 2001. – Т. 60 – № 6. – С. 47–58.

5. Карасик, В. И. Об оценочных пресуппозициях / В. И. Карасик, В. И. Шаховский // Языковая личность: вербальное поведение. – Волгоград : Изд-во «РИО», 1998. – С. 3–13.

6. Цыпанов, Е. А. «Счастье и удача» в финно-угорских языках / Е. А. Цыпанов // LINGUISTICA URALICA XLVIII – 2012. – Iss. 4. – P. 265–275.

7. Бурыкин, А. А. Представления манси о хозяйках леса мис-нэ и их аналоги в религиозных воззрениях народов Сибири и Дальнего Востока / А. А. Бурыкин // Словцовские чтения – 2007 : мат-лы докладов и сообщений XIX Всероссийской научно-практической краеведческой конференции. – Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2007. – С. 134–137.

8. Богданова, М. А. Идея счастья и способы её актуализации (на материале русского и французского языков) : автореф. дисс... канд. филол. н. / М. А. Богданова. – Волгоград, 2010. – 32 с.

9. Молданов, Т. А. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов / Т. А. Молданов. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1999. – 140 с.

References

1. *Kratkij slovar' kognitivnyh terminov* [Brief dictionary of cognitive terms]. Ed. by E. S. Kubryakova. Moscow: Filologicheskij fakul'tet MGU im. M.V. Lomonosova Publ., 1996. 90 p.

2. Solovar V. N. *Nekotorye fragmenty jemocional'noj kartiny mira hantyjskogo jazyka* [Some fragments of the emotional picture of the world of the Khanty language]. *Jazyk. Kul'tura. Jetnos (tradicii i sovremennost')*. *Materialy Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem – Nad'kinskih chtenij. Saransk, 28–29 aprelja 2010 g. Mordov. gos. ped. in-t* [Language. Culture. Ethnos (traditions and modernity). Materials of all-Russian scientific-practical conference with international participa-

tion – Nadkinskiye readings. Saransk, April 28–29, 2010 Mordov. ped. in-t]. Saransk, 2010, pp. 53–56. (In Russian); Solovar V. N. *Sposoby vyrazhenija jemotivnosti v hantyjskom jazyke* [Methods of expressing emotiveness in the Khanty language]. *Vestnik Ugrovedenija* [Bulletin of Ugric studies], 2012, no. 3 (10), pp. 60–68; Milyakhova Yu. G., Solovar V. N. *Nacional'no-kul'turnye osobennosti jazykovykh edinic sfery psihojemotional'nogo sostojanija i povedenija cheloveka (na materiale shuryshkarskogo i kazymskogo dialektov hantyjskogo jazyka)* [National-cultural peculiarities of language units of the sphere of psycho-emotional state and behavior (based on the Kazym and Shuryshkar dialects of the Khanty language)]. *Vestnik Ugrovedenija* [Bulletin of Ugric studies], 2013, no. 1 (12), pp. 44–49.

3. Bakirova G. A. *Verbalizacija koncepta «schast'e» v tatarskom i anglijskom jazykah* [Verbalization of the concept «happiness» in the Tatar and English languages]. Kazan, 2011. 27 p.

4. Vorkachev S. G. *Koncept schast'ja: ponjatijnyj i obraznyj komponenty* [The concept of happiness: the conceptual and figurative components]. *Izvestija RAN. Serija lit-ry i jazyka* [Proceedings of RAS. Series of literature and language], 2001, vol. 60, no. 6, pp. 47–58.

5. Karasik V. I., Shakhovskiy V. I. *Ob ocenochnyh presuppozicijah* [About estimated presuppositions]. *Jazykovaja lichnost': verbal'noe povedenie* [Linguistic personality: verbal behavior], 1998, pp. 3–13.

6. Tsypanov E. A. «Schast'e i udacha» v finno-ugorskih jazykah [«Happiness and luck» in the Finno-Ugric languages]. *LINGUISTICA URALICA XLVIII* [LINGUISTICA URALICA XLVIII], 2012, no. 4, pp. 265–275.

7. Burykin A. A. *Predstavlenija mansi o hozjajkah lesa misnje i ih analogi v religioznyh vozzrenijah narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Representation of the Mansi about the mistresses of the forest Misne and their counterparts in the religious beliefs of the peoples of Siberia and the Far East]. *Slovcovskie chtenija – 2007: Materialy dokladov i soobshhenij XIX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj kraevedcheskoj konferencii* [Slovtsovskiy readings – 2007: materials of papers of the XIX all-Russian scientific-practical regional conference]. Tyumen, 2007, pp. 134–137 (In Russian).

8. Bogdanova M. A. *Ideja schast'ja i sposoby ejo aktualizacii (na materiale russkogo i francuzskogo jazykov)* [The idea of happiness and the ways of its actualization (in the Russian and French languages)]. Volgograd, 2010, 32 p.

9. Moldanov T. A. *Kartina mira v pesnopenijah medvezh'ih igrishh severnyh hantov* [Picture of the world in the songs of the Bear plays of the Northern Khanty]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 1999. 140 p.